

УДК 101.1

ЛОГИКА ИДЕАЛЬНОГО: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ

LOGIC OF IDEAL: SOCIOCULTURAL CONTEXT

С.В. Резванов

S.V. Rezvanov

Донской государственный технический университет,
Россия, 344000, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1

Don state technical university, 1 Gagarin Square, Rostov-on-Don, 344000, Russia

E-mail: rezvanov.sergey2015@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуется феномен рефлексии, который скрывает реальные причины появления и решения философских вопросов. Автор анализирует метаморфозы политического и идеологического фетишизма, которые отражаются как философские догмы. Эти догмы выступают как «кривые зеркала», в которых мир предстает как «стоящий на голове». Автор специфицирует пять таких догм-парадигм, представляющих в официальной идеологии СССР в 50-е годы XX века «философские приоритеты», декларирующие «ценности», являющиеся объективными иллюзиями, отождествляющими «фундаментальность – догматизм», «конкретность – примитивность» и т. д. В статье исследуется творчество Э. Ильенкова.

Resume. The article studies the phenomenon of reflection, which hides the real reasons for the appearance and solution of philosophical questions. The author analyzes the metamorphoses of political and ideological fetishism, which are reflected as philosophical dogmas. These dogmas act as "crooked mirrors," in which the world appears as "standing on the head." The author specifies five such dogma paradigms that represent "philosophical priorities" in the official ideology of the USSR of the 1950s, which declare "values" that are objective illusions that identify "fundamentalism-dogmatism", "concreteness-primitiveness", etc. The article examines the work of E. Ilyenkov.

Ключевые слова: диалектика, логика, генезис, понятие, рефлексия, ревизионизм, идеализм, материализм, парадигма, эмпиристское мировоззрение.

Key words: Dialectics, logic, genesis, concept, reflection, revisionism, idealism, materialism, paradigm, empiricist worldview.

Вопреки эмпиристскому мировоззрению, априори полагающему, что развитие есть эволюционный хаос, каждая наука, в том числе и логика, имеет циклы своего развития. И это обусловлено цикличностью развития самого общества, феноменом которого является наука. Эти очевидные моменты очевидны лишь обще-абстрактно. Как только мы начинаем исследовать конкретные проблемы, так сразу возникает существенное недопонимание, прежде всего, по главным вопросам. Это обусловлено тем, что производные социальные образования, каковым, в частности, является и логика, сложно (т. е. так же конкретно) «отдалены» от глобальной очевидности «круговорота событий» в мире, прежде всего – в обществе. Поэтому факт производности «круговорота» в логике от «круговорота» в обществе приходится доказывать, а не провозглашать. Одновременно невозможно абстрагироваться от формирующего влияние социокультурных детерминант в отношении «чистой» логики, в т. ч. в отношении ее предиката «логический».

Два первых слова в названии статьи могут быть самостоятельно раскрыты в указанном выше аспекте. Однако вместе они образуют субстанцию, одной из модификаций которой является мышление. Без понимания его генезиса невозможно «говорить о том, о чем мы **ХОТИМ** говорить». Очень часто бывает так, что малейшие инверсии в акцентуации субъективной методологии приводят к путанице в понимании предмета исследования. Например, революция в естествознании (физике) в конце XIX – начале XX века как кардинальное изменение логики познания – это одно, а понимание этой новой логики – другое! Или еще проще (абстрактнее): физика (логика физики) – это одно, а логика физика – принципиально другое.

Безусловно, в конечном счете, специфика этих детерминант является единой в (глобально-бесконечной) субстанции, где общее и единичное, конкретное и абстрактное, истина и заблуждение... выступают как гармония. Но эта гармония является и должна быть признана универсальной, а не локальной. В противном случае диалектические противоположности приобретает незрелый, «разомкнутый» характер. И такое нередко бывает. Без понимания детерминант этой «разомкнутой» специфики невозможно так же правильно поставить вопросы, в частности те, которые вынесены в заголовок настоящей статьи. В еще большей степени – невозможно искать ответы на данные вопросы. Бывает так, что публично и эксплицитно-критически обсуждается идеальное, логика, диалектика, абстрактное и конкретное, а приватно и имплицитно неприятие вызывает «неправильная постановка» вопросов, иные подходы к творчеству и вообще «чужое мировоззрение». Они представляют угрозу то ли для «пролетарского» марксизма, то ли для тех, кто смотрит на мир «его глазами».

Каждый новый цикл развития логики обнажает базисные основы ее развития. Они вытекают из некоторых предпосылок, которые реально и идеально предшествуют логическим инновациям. Естественно, они влияют на саму логику, но не интериоризируются в ее структуре, представляя собой фетиши-кулисы, скрывающие измененный (инновационный) предмет логики в чистом виде. По отношению к статусу логики *de facto* это трудно различимо, но это видно в исторической ретроспективе логики *de genese*.

Мы имеем в виду здесь метаморфозы, произошедшие в 50-х годах XX века при возникновении новой логической парадигмы в трактовке ряда категорий, особенно идеального, абстрактного и конкретного. Это отчетливо видно на примере дискуссии о конкретности и абстрактности мышления и вообще о логике (диалектике) абстрактного и конкретного, раскрытой на страницах изданной в этом году книги: «Эвальд Ильенков от абстрактного к конкретному. Крутой маршрут 1950–1960». Москва. 2017. На страницах этой книги, включая предисловия и послесловия, показано, как множество фактов *status quo* конфигурируются, точнее, фетишизируются в социодетерминантную тенденцию «размыкания» (или разрывания) диалектики и логики. Выделим ряд парадигм этого феномена, не претендуя более чем на абрис.

Идеологическая парадигма

Первое, что бросается в глаза – идеологическая ангажированность представителей «догматической» логики идеального (абстрактного и конкретного и т. д.). Она отражает специфическую для того времени идейную, скорее, политическую и даже морально-психологическую тенденцию редукции духовного к обыденно-материальному. Догматизм, обусловленный экстремальным положением СССР, отражающийся в мобилизационном мировоззрении, автоматически предполагал, что всякое новое есть «ревизионистское» старое. Иными словами, из уст «ортодоксов» звучало, что всякое новое есть разрушение старого, что равно разрушению завоеваний социализма. Политика, эстетика, мораль и даже обыденная («практическая») психология были законсервированы в моделях жизнедеятельности коммуниста послевоенного десятилетия. Отступление от этих моделей, утверждавшихся как новая абсолютная идея, представляло действительную угрозу для консервативного социальной культуры и мировоззрения, проделавших вековую эволюцию.

К 40–50-м годам XX века логика (диалектика) из метода исследования превратилась в зловещий абстрактный символ борьбы с инакомыслящими и даже в символ репрессий с трагическим концом. В категорию тех, кому она внушала ужас, попадала не только мировая буржуазия, что официально декларировалось, но и любой человек, который мог оказаться заподозренным в отклонении от «генеральной линии партии». Из диалектики было элиминировано все конкретно-историческое содержание и научный смысл. Она потеряла универсальный статус, ее сущность была сведена к сумме отдельных явлений («революционных примеров»). Диалектика была превращена, в лучшем, «безопасном» случае, в пустопорожнюю болтовню. От логики (диалектики) как теории фактически ничего не осталось кроме суммы эмпирических приемов, в ходе реализации которых целостность безжалостно разрывалась на «удобные» фрагменты, иллюстрирующие «революционную целесообразность» в духе примитивного популизма. Определить, сколько в ней было

марксизма (коммунизма) невозможно даже с помощью аптечных весов. Этот популизм с неизбежной для него софистикой и эклектикой адекватно воплотился в знаменитом «Кратком курсе ВКП (б)». Как справедливо отметил Э.В. Ильенков, диалектика была распята на четырех чертах. Парадоксально, но факт следующее: логика, изуродованная в начале XX века пролетарской люмпен-интеллигенцией, «учившей диалектику не по Гегелю», привела к тому, что в категорию попутчиков и пособников буржуазной идеологии были неожиданно зачислены (например, по К.С. Минину) не только классики буржуазной философии, но и сами... основоположники марксизма-ленинизма.

Как видим, никакого теоретического интереса у идеологов пролетарского социализма к логике (диалектике) даже и быть не могло. Она превратилась в политический механицизм, или механизм, позволявший «идеологам» выживать и двигаться по карьерной лестнице. В основе такого выживания был заимствованный из арсенала «старого мира» банальный принцип: «Уничтожь конкурента!» [8, 143–147]. В полной мере это проявилось и в эпоху 50–60-х годов XX века. Убедительно и лаконично об этом сказано В.А. Лекторским, который обнажил теоретическую дилемму и одновременно социальную альтернативу «революции в нашей философии» по мнению одних и «идеологического скандала» по мнению других [5, 5].

Представленный в этой книге криминальный сериал о разоблачении вольно-невольного пособника мирового ревизионизма Э. Ильенкова достоин экранизации. Если убрать поверхностно нелепые и откровенно смехотворные обвинения в его адрес, то основной уничижительный пафос «стражей социализма» состоял в том, что «этот Ильенков» поддался на буржуазную «удочку» какого-то особого (читай: излишне дотошного, т. е., по сути, глубокого) прочтения Маркса. Последнее обстоятельство никак не укладывалось в прокрустово ложе примитивного или «комфортного» материализма обывателей, каковыми являлись идеологические стражи пролетарского коммунизма. Правда, о своем обывательско-мировоззренческом мещанстве эти идеологи не догадывались, подобно тому, как Журден не догадывался, что всю жизнь говорил прозой. Точнее, они об этом и слышать не желали.

Я не рассматриваю специфический нюанс их мировоззрения: сознательное и бессознательное в борьбе с реальным социальным прогрессом под флагом защиты диатрибического марксизма. Это предмет другого исследования. Однако, пытаясь законсервировать догматизм, согласно которому революционность была отождествлена с нигилизмом и анархизмом по отношению к любым новациям (изначально и без разбора), сыграл «злую шутку». Революционность марксизма была отождествлена в их сознании и деятельности с устранением (оптимально – с физическим уничтожением) всех **тех, кто иначе, чем они**, понимали эту революционность и марксизм. Ну а диалектика, а диалектика... потом.

Информационно-библиографическая (инвентаризационная) парадигма

Методологией примитивного («разорванного») сознания и самого субъекта является эклектика-софистика. Это происходит потому, что такой субъект вырван из контекста всеобщей истории и даже из локальной истории, включая собственный генезис. Это – субъект-феномен, или субъект, *de facto*. Поэтому он видится себе в образе «Робинзона», который не в состоянии подняться в познании мира выше его созерцания. Отсюда следует, что мир-объект представлен ему в виде конгломерата дискретных «объективных» фрагментов – «вещей» (или предметов). Данный гносеологический эмпиризм (как радикальный, так и комплементарный) агенетичен. Он исходит из ограниченной гносеологии «здесь-сейчас». Он зависим от своих опытов-впечатлений, особенно от генетических, которые становятся для «субъекта» гештальтами, если не сказать комплексами. Образно говоря, они наслаиваются (или, лучше сказать, оборачиваются вокруг него). Далее, они становятся мировоззрением, т. е. системой установок, как креативного (конструктивного), так и запретного (деструктивного) типа.

В автореф. к дисс. Э. Ильенков так характеризует «логику» эмпиризма: «Пока предмет понимается как механический агрегат неизменных элементов, то, естественно, совершенно безразлично, с какой именно стороны начинается теоретическое исследование и в каком порядке мысль будет переходить от одной стороны к другой. Если же пред-

мет понимается как «органическая система», как единое целое, развивающееся от простого к сложному, это далеко не безразлично» (Цит. по: 7, 119).

Поэтому «готовое-зрелое», в данном случае изданное произведение есть истина, а «подготовительное-неготовое» (рукописи) – ложное (содержащее заблуждение). Более поздние работы – в нашем случае классиков марксизма-ленинизма – выражают истину полнее и глубже, а ранние – односторонне и поверхностно. Поэтому обращение к подготовительным работам, например, Маркса, и даже к его ранним работам – пустое и даже опасное занятие. Ведь в ранних работах Маркс исходил из Гегеля (в работах «зрелого» периода Энгельс описал: «как мы исходили из Гегеля и как мы с ним разорвали»). По той же логике (лучше сказать: анти-логике) эмпиризма в некоторых работах классиков марксизма остались «родимые пятна» идеализма, гегельянства. А вдруг молодой или недостаточно идейно «подкованный» исследователь возьмет, да и оступится в ренегатство, ревизионизм, «меньшевистствующий» идеализм. Далее, логика эмпиризма иллюзорно трактует статус, в том числе так называемых зрелых работ Маркса. Например, «Капитал» – это сложное произведение. Его хоть радикально, хоть эмпирически не возьмешь ни «на нюх», ни «на зуб».

Поэтому чтобы «Капитал» Маркса «правильно понять», следует ориентироваться на более поздние работы самого Маркса и Энгельса, где доступнее («конкретнее»?) изложены «диалектические хитросплетения мысли» с расчетом на среднестатистического человека (чуть было не сказал: «на троечника-двоечника среднестатистической школы» или института красной профессуры). Это, например, «Анти-Дюринг» Энгельса и т. д., который был интерпретирован Лениным (что еще проще), наконец, Сталиным (что еще проще-доступнее) и подробно прокомментирован в учебниках подлинных «революционеров-ленинцев» (что совсем просто, значит, абсолютно надежно). «Что сверх того, то от лукавого!» На самом деле адаптация теории под примитивное мировоззрение середнячка, в том числе и «идеологических гвардейцев революции», шла как раз обратным путем, от учебников... к «Капиталу», до которого добирались в лучшем случае в виде «Предисловий», «Послесловий». Я воспроизвел здесь «внутреннюю», рефлексивную логику тех критиков Э. Ильенкова, которые вменяли ему вину крамольность убеждений и писаний.

Хорошую иллюстрацию подобного примитивизма дал А. Минасян – один из сподвижников Э. Ильенкова. Посланную им статью в журнал «Вопросы философии» о законе отрицания отрицания цензор раскритиковал «на корню». – «Доцент Минасян, – вопрошал он, – зачем Вам два отрицания? Это же тавтология!» (Кстати, компьютер и сейчас показывает эту тавтологию как «повторяющееся слово» и предлагает его удалить). И бедный доцент вынужден был выписывать из работ Энгельса и Ленина «отрицание отрицания» с указанием страниц и даже строчек, где этот закон упоминался, чтобы доказать: он – не ревизионист. У Э. Ильенкова также спрашивали, нет, должны были спросить: «Доцент Ильенков, зачем Вам рукописи Маркса, ведь есть готовый «Капитал», еще лучше – работы выдающихся идеологов партии, на основе которых написаны учебники по диамату-истмату?»

Вместо диалектики хотели видеть (далее приведены страницы по источнику): 1) (П. Федосеев) «популярную критику империализма и теплые слова в адрес социализма», «философа – бойца партии, воина на идеологическом фронте» (62, 68); 2) (Е. Модржинская) отстранения от гносеологии, т.е. (!) незабвенности принципа партийности, исключительной сосредоточенности на разоблачении буржуазной философии (67); 3) (Петрушевский) отлученности от «собственно философской» (гносеологической) проблематики (70); 4) (Бахитов) преодоление отрыва философии от партийно-политической практики, что было свойственно лидерам II Интернационала (71). В заключение П. Федосеев назидал: «Необходимо воспитывать в себе ненависть к врагам» (72).

Парадигма «военно-коммунистического» материализма как иммунитета от идеализма

Говорить сегодня о материализме и идеализме не безопасно, потому что... не гламурно. И это имеет свои детерминанты, базис которых – революционные события начала XX века. Обывательские (мелкобуржуазные), в частности, анархистские комплексы массового сознания позволяли видеть малограмотным революционным низам лишь «низы»

культуры. Таким «низом» портретного искусства ню, например, в шедеврах голландских мастеров, можно было усмотреть лишь «голых баб», а в натюрморте – кабацкий интерьер. Ненависть к своим бывшим угнетателям, державшим народ веками в нищете и темноте, отождествленная с деструкцией, многовековой мировой культурной истории (в том числе и отечественной), делала пролетариат грубо-недальновидным в вопросах культуры и была плохим подспорьем в созидательном плане. Даже на своих союзников, старо-интеллигентов (мелких буржуа), младоинтеллигенты-пролетарии смотрели как на врагов потому, что они (интеллигенты) – «другие». Мелкобуржуазная сущность «скрытно сидела» не только в крестьянах, которых в России в начале и даже в середине XX века было еще большинство, но и в каждом обывателе, т. е. «ино-мыслителе».

Буржуазный соблазн следовало искоренять по всей революционной территории, от экономики и политики до идеологии и науки. Коренной вопрос российской революции: «Ты за красных, или за белых?» интерпретировался в философии как вопрос «Ты за материализм или идеализм?». Поэтому идеализм следовало при возможности разоблачать с помощью бескомпромиссной критики, а при неэффективности таковой – искоренять «мечом и огнем». Позднее, к 50-м гг., идеализм, который подлежал искоренению, был заменен на более respectable термины: «ревизионизм», «буржуазная идеология», «отрыв теории от практики» и т. д. В конечном счете, к 70-м годам в карательных целях чаще использовались: «путаница», «туманность выражения», «гносеологизм», «кантианство-гегельянство», «сужение предмета философии до мышления». Некоторые аргументы сохраняют свою «критическую актуальность» в либеральной тоге и по сей день. Но в основе всего этого лежит простая житейская максима: «С нами или против нас!» Она бессознательно-догматически доминирует и сегодня в мировоззрении неофитов.

Маниакальное неприятие диалектики как логики основывалось на «фобии идеализма». Для примитивного (эмпирического) материализма идеализм непреодолим и непобедим. «...Самая сумасбродная из всех систем (система Беркли) оказалась самой трудной для опровержения», – писал Гольбах (1, 185). «Это – странная система... – вторил ему Дидро, – которую, к стыду человеческого ума и философии, труднее всего опровергнуть, хотя она и является самой абсурдной из всех систем» (2, 28). Поэтому простейший способ искоренить философский идеализм – пресечь исследование мышления (сознания), т. е. искоренить... философию. В этой связи ее нужно свести к тупому повторению азбучных истин марксизма, которые необходимы как пропедевтика, но не как теория.

Бездумное целодневное повторение псевдодиалектических заклинаний, хоть в виде «Четырех черт» диалектики по Сталину, хоть в виде «Трех законов и шести пар категорий» по Федосееву – Митину – Константинову и т. п. не только имело цель придать пролетарскому мировоззрению начала XX века абсолютный смысл. Идеологически это выражалось в длинной цепи «постмодернов»: «Ленинизм – марксизм XX века», «Сталинизм – марксизм нашей эпохи», далее следовали Хрущев с «его» коммунизмом к 1980 г., Брежнев с «его» развитым социализмом. Такого рода шаманские заклинания превращали философию одновременно и в приватную злую Нелепость, и в официальную Святыню.

Спорить с такого рода заклинаниями с позиций логики было и есть невозможно. Они не поддаются логике, ибо сами нелогичны или антилогичны. «Механисты» и «меньшевиствующие идеалисты», попавшие под нож истории, «гносеологи», «диалектики», прошедшие школу унижения, гражданской казни и т. д. и т. п. наивно пытались защищаться теоретически. Но их просто не слышали. Они были «виноваты уж тем», что на них была каинова печать – «Чужие»! Вся эта борьба с инакомыслием в массе своей основывалась на мещански-выверенном убеждении: «Хочешь не ошибаться – ничего не делай» и, добавим, ничего не давай делать другим! А то как бы чего не вышло!

Можно продолжить и сказать о сегодняшнем дне, когда секты «высокобровых» стараются создать атмосферу неприятия любых инноваций. Они с упорством, достойным лучшего применения, пересказывают, захлебываясь от восторга, догмы своих зарубежных кумиров, получая от них гранты и премии. При этом денно и нощно ими осуществляется бдительный досмотр за тем, чтобы ни одна запятая, точка или многоточие из «святых книг» кумиров ни на йоту не были искажены разными там «непосвященными». Сатира на «игру в

бисер» нобелевского лауреата Г. Гессе превратилась в реальную игру в бисер без всякой сатиры, разыгрываемую современными неофитами – философскими сектантами.

Парадигма консерватизма

Всякая идеология абстрагирована от реального фетиша, представляемого как некоторый «Золотой век». Например, либеральная демократия абсолютизирует вторую половину XX века с гегемонизмом США, скрывая его с улыбкой авгура на устах в заклинаниях «плюрализма демократий». Но если у каждого своя демократия, то восторжествует та, у которой больше... силы (выраженной в деньгах, технологиях, оружии...). Поэтому рыцарям либеральной демократии сегодня так же, как рыцарям пролетарской демократии вчера, подсознательно близко заключение Гегеля о том, что «истина нуждается для своего утверждения в силе». Золотой век пролетарской демократии был облачен в дресс-код штанов с лампасами, кожаной куртки и маузера в деревянной кобуре. Наличие указанных атрибутов было неопровержимым критерием истины «марксизма». Венцом такого марксизма было бесконечное догматическое повторение того, что в мире нет ничего, кроме материи.

Любое отступление от этой догмы означало априори измену марксизму – революции – истине. Любая попытка конкретизировать или продолжить развитие фундаментальных положений материализма встречала яростный отпор потому, что выходило за пределы «охранной» теории «красных профессоров», опиравшихся на практику охранной практики «ответственных органов». Культурная революция, неизбежно ограничившаяся общей грамотностью и минимальной популярной «картинкой» мира, вынуждено ограничивалась материализмом «от сохи». Он был враждебен всему, что не совпадало с ним, не признавая никаких компромиссов. Классовое чутье движущейся революционной материи превращалось в классовую бесчувственность неподвижно-болотного сознания. Самым «надежным» было бы признать сознание... материей.

Всякий разговор о специфике сознания, идеального, абстрактного и конкретного... был (мог быть!) чреват идеализмом – ревизионизмом – ренегатством. Очень жаль, что вымарать идеальное и его феномены вообще было нельзя, но следовало следить, чтобы они строго-правильно понимались. Ну а строго правильное понимание, мы уже говорили, содержится в философских прописях и букварях. Идеальное пролетарское государство под напором реальных фактов теряло свой блеск. Русский революционный проект тускнел под влиянием внутренней дисгармонии, активно стимулированной западным «ангажементом» в широком смысле слова.

Парадигма популизма

Требование популизма – увидеть сущность, понять возможность дистантно от действительности (низвести действительность до конгломерата «умерщвленных» эпизодов-фрагментов, артефактов) и т. д. Популизм есть основа догматизма. Но, господа мыслители-интеллигенты, вам невдомек, что не все рождаются в лоне абсолютного духа. Не всех окружают ученые и художественные книги, музыка Моцарта, Вагнера, Чайковского. Не всем прививают изысканные манеры. Иными словами, не всем простые «истины» даны с «молоком матери». Не все, переживши молочный период, теряют и фермент лактозу, позволяющую грудным детям усваивать пресное молоко.

Критика догматизма, которая началась с «хрущевской оттепели», имела генетический изъян. Иными словами, она была агенетичной. Появившееся поколение «детей и внуков интеллигентов» не заметило, что сотни книг на полках домашней библиотеки (как и сухой французский бисквит-бриош вместе с фруктовой водой в будуарном буфете принцесс), – удел далеко не всех людей, в данном случае, россиян, особенно интеллигентов «в первом поколении». Кто-то снимал томик Спинозы с полки домашней библиотеки, а кто-то бежал в вузовскую или городскую библиотеку и записывался в очередь, ожидая заветную книгу возможно долгое время. А кто-то...

Поэтому, когда мы говорим о том, что «философия преодолевает догматизм», то это такая же рефлексия, как и сам догматизм, а не реальность «an sich und fur sich». Это та же log-

ica post factum, логика, «начинающая со второй половины». Не-догматическое знание и такая же логика возникает как метод познания или установка на отношение к миру только в творческой «среде» (лучше: культуре). В ней диалектика выступает как практика созидания, поиска оптимальных решений различных проблем. В таком виде диалектика выступает как культура в ее строгом смысле, как преобразованная натура (природа или данность). Любое знание в такой ситуации превращается в движение в тенденции превращения непознанного в познанное. Диалектика выступает в данном случае как преодоление объективного агностицизма, инертности, законсервированности внешних проблем-предметов, в том числе и консервированно-данного знания.

Иными словами, диалектика познания (исследования, творчества...) начинается тогда, когда у субъекта уже сложилось пусть первоначальное, но творческое мировоззрение (Мы исходим здесь из концепции В.А. Лекторского). В противном случае субъект настроен не на творческое восприятие внешней информации, а ее консервативную интериоризацию. У него доминирует прагматичное мировоззрение, и информация нужна ему, чтобы поднять статус в «житейском кругу», сдать экзамен-зачет, выступить с докладом или речью на каком-либо форуме, прочитать нотацию подчиненным, воспитанникам или хотя бы собственным детям...

Поэтому, когда мы говорим о догматизме 50-х годов XX века в России, мы должны понимать, что система догм, от имени которой выступали «защитники» социализма, превращалась в их мировоззрение в результате индивидуально-напряженной деятельности, кумуляции «основ» революционного учения, в т. ч. «основ диалектики». Догматические критики реальных диалектиков (Ильенкова, Коровикова и др.) выстрадали «свой» марксизм. Его «кривое зеркало» (точнее, кривое зеркало их страданий, даже в каком-то смысле творческих мук) стало их персональной истиной на все времена, революционной индульгенцией, оправдывающей борьбу в **любых ее видах** с «отступниками». Примитивная зеркальная картинка диалектики, ограниченная деревянной рамой зеркала их рассудка, не позволяла им видеть более того, чем это было предписано даже не столько трюизмами «Великого вождя» в очерке «О диалектическом и историческом материализме», сколько еще более примитивными интерпретациями академиков контр-ревизионистской бдительности, в «гениальных» учебниках по философии. Бойцы и командиры идеологического фронта действовали в тех пределах, которые были им социокультурно (или социобескультурно) доступны.

В «Желтом доме» А. Зиновьева есть интересный пассаж об одном философелюбителе. Он доказывал в своем опусе, что диалектика возникла тысячелетия назад вместе с Россией. Она была известна русскому народу еще со времен Ивана Грозного, а то и ранее, о чем свидетельствует народный фольклор. Например, пословица: «Девкой меньше – бабой больше» доказывала закон неуничтожимости материи и перехода ее из одной формы в другую. Один – Зиновьев называет его «психом» – принес в ИФ АН СССР свой «гениальный труд», который попал на отзыв к Зиновьеву. И тот уговорил этого «психа» назвать опус так: «Элементы диалектики в русском народном творчестве» и сдать на обсуждение в сектор истории русской философии в качестве кандидатской диссертации. Более того, Зиновьев предложил свою «помощь» в редактировании (читай: до-написании, или на-писании): «Я писал с наслаждением, воображая, какой гомерический хохот будет стоять в Желтом доме и его окрестностях, когда диссертация Психа будет предана гласности... Но я был позорно посрамлен... на защиту Психа выпустили вне всякой очереди... Защита прошла с блеском..., появилась его книга, за ней другая... Потом он приехал на Всесоюзное совещание заведующих кафедрами общественных наук...».

А. Зиновьеву следовало бы продолжить. На примере даже одной пословицы можно проиллюстрировать все законы и категории диалектики (что нравится формальным логикам), впрочем, и законы... формальной логики (что нравится диалектикам). Единичным примером можно проиллюстрировать вообще все, что угодно. Он ничего не объясняет, т. к. сам нуждается в объяснении, которое и есть шпаргалка («мостик для ослов» – Eselsbrücke) при переходе от общего к особенному и единичному и т. д. Поэтому приведенная «простонаврная» пословица может быть вполне удобной иллюстрацией и качества-количества, и формы-содержания, и даже... закона исключенного третьего... Правда, при этом «профессора-например» не добираются до того очевидного факта, что общий тезис и его частные примеры так и остаются сами по себе, лучше сказать, спиной друг к другу.

Читатель вправе задать вопрос, как же в этой кошмарной обстановке могла существовать и развиваться творческая мысль? Более того, как же в 60-е годы появилось такое количество теоретических работ, которые составляют золотой фонд мировой философии, чему нет аналогов в мировой истории? Генерация неофитов, начиная с 80-х, возможно будет удивлена тем, что восторженный импорт новомодных западных прозрений, хотя бы отчасти, имеет отечественную этиологию. Сама идея всемирного единства философского знания, идея возможности и необходимости творческого сотрудничества с западными коллегами («открытости общества») также генетически заложена в этот период (7, 8). Откровением для неофитов явится идея тождества истины и заблуждения: «Заблуждение не есть абстрактно-метафизический полюс истины, а есть ее диалектическая противоположность, в известных условиях в нее переходящая и из нее возникающая» (3).

Подлинным феноменом является алмазная россыпь работ советских гуманитариев, особенно философов, 50–60-х гг., простое перечисление названий и авторов которых заняло бы десятки, если не сотни страниц. Говорить об этом конкретно – предмет «многомного» разговора. Эти работы до сих пор «в идеале» должны быть настольными книгами всякого сознательного мыслителя. Последующие поколения, в т. ч. и автор настоящей статьи, должны быть благодарны этим своим учителям, проявившим гражданский и интеллектуальный подвиг, поднявшим отечественное обществознание на качественно более высокую ступень. Надеюсь, что и сами эти наши учителя, как живые, так и ушедшие от нас, могут быть удовлетворены тем, что их имена вписаны в Великую Книгу мировой культуры.

Список литературы References

1. Гольбах П. Избранные произведения в 2-х томах. Т. 1. М., 1963.
Holbach P. Selected works in 2 volumes. T. 1. M., 1963.
2. Дидро Д. Избранные сочинения в 2-х томах, т. 1. М. - Л., 1926.
Diderot D. Selected works in 2 volumes, vol. 1. M. - L., 1926.
3. Заблуждение // Философская энциклопедия. Т. 2. М. 1962.
Misconception // Philosophical Encyclopedia. T. 2. M. 1962.
4. Ильенков Э. От абстрактного к конкретному. Крутой маршрут. 1950–1960. М. 2017.
Ilyenkov E. From the abstract to the concrete. A steep route. 1950–1960. M. 2017.
5. Лекторский Владислав. Вместо введения Воспоминания и размышления// Предисл. к кн.: «Эвальд Ильенков от абстрактного к конкретному...»
Lectorsky Vladislav. Instead of introducing Memories and Reflections // Preface. To the book: "Evald Ilyenkov from the abstract to the concrete"
6. Майданский А.Д. Диалектическая логика Э.В. Ильенкова и западный марксизм//Наследие Э.В. Ильенкова и диалектическая традиция в российской философии. Ростов-на-Дону. 2014. С. 12–43.
Majdansky A.D. Dialectical logic E.V. Ilyenkov and Western Marxism // Heritage E.V. Ilyenkov and the dialectical tradition in Russian philosophy. Rostov-on-Don. 2014. P. 12–43.
7. Раскин И. Времена не выбирают // Ильенков Э. От абстрактного к конкретному. Крутой маршрут. 1950–1960. 2017.
Ruskin I. The times are not chosen // Ilyenkov E. From the abstract to the concrete. A steep route. 1950–1960. 2017.
8. Резванов С.В. Философия социальной культуры: природа иллюзорного сознания. Москва – Ростов-на-Дону. 2011.
Rezvanov S.V. Philosophy of social culture: the nature of illusory consciousness. Moscow – Rostov-on-Don. 2011.
9. Римский В.П., Г.Г. Шпет и Э.В. Ильенков: хождение по марксистскому кругу, или Диалектическое дежавю русской философии//Философия Э.В. Ильенкова и современность. Белгород. 2016. С. 154–159.
Rimsky V.P., G.G. Shpet and E.V. Ilyenkov: Walking in the Marxist Circle, or Dialectical Deja vu of Russian Philosophy // Philosophy E.V. Ilyenkov and modernity. Belgorod. 2016. P. 154–159.